

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ НЕНЦЕВ ЯМАЛА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Е. А. Волжанина

Рассматриваются динамика численности и демографические характеристики ненцев Ямала в первой трети XX в. Показаны становление учета кочевого населения и влияние на демографическую статистику традиционного образа жизни и представлений о человеке, времени, семье, языковых различий и отношений с русскими. Рассчитанные демографические показатели свидетельствуют о простом воспроизводстве поколений и отсутствии вымирания среди ненцев. На основании анализа данных переписей и землеустроительных экспедиций доказывается, что фиксируемый высокий абсолютный прирост является результатом уточнения численности и ассимиляционных процессов.

Ключевые слова: этнодемография, самоеды, ненцы, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямал, сибирские инородцы, перепись населения.

На протяжении XVII — начала XX в. сведения о народах Севера собирали главным образом инородные управы в фискальных целях. К выходу инородцев к пунктам уплаты ясака приурочивались мероприятия Всероссийской переписи населения 1897 г., в ходе которой впервые использовались научные принципы учета (всеобщность, самоопределение, поименность и др.). После окончания Гражданской войны практические задачи административно-территориального, судебного, культурного и хозяйственно-экономического переустройства в северных районах настойчиво требовали организации статистики на научной основе для получения достоверных, полных и разнообразных сведений о «сибирских инородцах».

В рассматриваемый период в центре внимания исследователей по-прежнему оставалась проблема прироста коренных народов Сибири, поднятая в дореволюционной литературе. Если в конце XIX — начале XX в. они характеризовались как нежизнеспособные и находящиеся на грани вымирания или «медленного угасания» [Якобий, 1897; Патканов, 1911а; Дунин-Горкавич, 1995; Ядринцев, 2000], то в первой трети XX в. увеличение их численности заставило некоторых авторов прийти к выводу, что данный вопрос был надуман сибирскими областниками «с целью обратить внимание правительства на туземцев» [Плотников, 1925. С. 25].

Анализируя материалы Приполярной переписи по трем категориям населения: русским, оседлым и кочевым «туземным» народам, П. Е. Терлецкий на основании средних показателей отмечал падение рождаемости и рост смертности с усложнением бытовых условий, что, по его мнению, «создает определенный порядок в приросте населения; русское более культурное население, ведущее оседлый образ жизни, имеет вполне благополучный прирост; оседлые туземцы со значительно пониженным культурным уровнем дают меньший прирост и, наконец, кочевое население, находящееся в отношении рождаемости и смертности в чрезвычайно неблагоприятных условиях, дает весьма скромный коэффициент рождаемости, высокую смертность и чрезвычайно низкий естественный прирост...» [1932. С. 48]. Он же обратил внимание на то, что для «народностей, имеющих в своем составе и оседлое, и кочевое население, наблюдается более высокий прирост последнего...» [Там же. С. 57]. Вместе с тем, согласно рассчитанным коэффициентам, у большинства кочевых народов Европейского и Тобольского Севера (ненцы, коми, остяки) демографическая ситуация была вполне благоприятной, характеризуясь высокой рождаемостью и низкой смертностью [Там же. С. 50, 53, 60].

В представленной статье на материалах 1920–1930-х гг. рассматриваются демографические характеристики сибирских ненцев, проживающих на территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. В 1924–1930 гг. эта территория относилась к Обдорскому и частично Сургутскому (бассейн р. Пяку-Пур) р-ну Тобольского округа Уральской обл. Результаты экспедиционных исследований медицинских и этнографических отрядов на Обдорском Севере в 1920-х гг. свидетельствовали об отсутствии вырождения и наличии небольшого прироста или равновесия среди кочевых групп [ГУТО ГАТ. Ф. 687. Оп. 3. Д. 51. Л. 223 об.; Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 96]. А материалы переписей показывают, что численность ненцев здесь выросла с 1926 по 1939 г. более чем в 1,5 раза. Выполненный в настоящей работе анализ дан-

Проблемы демографии ненцев Ямала в первой трети XX в.

ных о распределении возрастных групп, числе детей в семьях с использованием методов демографии позволяет выяснить демографические тенденции среди ненцев в рассматриваемый период и факторы значительного увеличения их численности.

Источники. Демографические характеристики получены из опубликованных материалов Всесоюзной переписи 1926 г. [1928] и организованной в ее рамках Приполярной переписи [Список..., 1928], дополненных первичными документами. К последним относятся похозяйственные карточки Приполярной переписи [ГУТО ГАТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 49, 54], похозяйственные бланки и карточки североуростроительных экспедиций: Ямальской 1932–1933 г. (580 бланков), Надымской 1933–1934 г. (221 похозяйственная карточка) и Тазовско-Пуровской 1934–1935 г. (327 карточек) [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 90–91, 128, 135].

Организация учета кочевого населения и численность ненцев. Особенности фискальной системы XVII — начала XX в., привязанной к пунктам уплаты ясака, кочевой образ жизни (по Уставу 1822 г. самоеды были отнесены к бродячим инородцам), проживание в труднодоступных районах, самодостаточный характер оленеводческого хозяйства обуславливали систематический недоучет ненцев. Кроме того, на изменении показателей их численности в отдельные годы сказывалось действие эпидемических заболеваний. Зимой 1897 г. Всероссийской переписью были охвачены прежде всего старшины самоедских ватаг и самоеды, лично явившиеся для уплаты ясака в инородные управы. Общая их численность в Тобольской губернии, по расчетам С. Патканова на основании сведений о родном языке, составила 4431 чел. [1911б. С. 26].

В начале 1920 г. упразднили инородные управы, образовав вместо них инородческий отдел при Тюменском губернском исполкоме [Судьбы народов..., 1994. С. 63]. С созданием Обдорского р-на в конце 1923 г. вопросы, связанные с кочевниками, решал инородческий подотдел при Обдорском райисполкоме, одна из важных задач которого заключалась в их регистрации для сбора сельскохозяйственного налога, заменившего ясак [Там же. С. 84]. Проблемы, связанные с учетом кочевого населения, старались решать одновременно и на местах, организуя текущий учет, и на государственном уровне, включая их в программу всеобщих переписей населения и разрабатывая специальные мероприятия, направленные на улучшение качества их учета.

Согласно «Временному положению об управлении туземных племен на северных окраинах Тобольского округа», принятому в 1925 г., учет кочевого населения должны были осуществлять родовые советы. Они сохранили за собой эту функцию с переходом в 1926 г. на «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» [Там же. С. 101, 114]. В 1926–1927 гг. были организованы Уральский, Тазовский и Ямальский туземные кочевые советы, из которых без перерывов в работе существовал только последний. Причинами этого являлись слабая обеспеченность материальными и транспортными средствами, низкая заработная плата и тяжелые бытовые условия [ГАСПИТО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 127]. В частности, Уральский туземный совет длительное время не мог приступить к работе из-за отсутствия секретаря и средств передвижения [Там же. Л. 127].

Показателем работы кочевых советов является следующий факт. Если за год существования (1926–1927 гг.) оседлые туземные советы взяли на учет все население, проживающее на их территории, то кочевыми советами были учтены только «около 25 хозяйств с количеством до 90 душ обоего пола...» [Судьбы народов..., 1994. С. 135]. Для переписи кочевого населения Ямальский кочевой туземный совет был вынужден прибегнуть к принудительным мерам. Факториям, находящимся на его территории, некоторое время не разрешалось торговать с самоедами ямальской тундры, не имеющими справки от совета о постановке их на учет [Там же. С. 144]. В 1928 г. Ямальским ТузРИКом был освоен только Южный Ямал до р. Юрибей. Ненцы, кочующие севернее, его не знали и не признавали [Евладов, 1992. С. 216].

Регистрация коренного населения осложнялась его отрицательным отношением к каким-либо переписям вообще из-за боязни, что «русские, наверное, их будут брать в солдаты, отбирать у них детей и отдавать в школы...» (цит. по: [Судьбы народов..., 1994. С. 143]; см. также: [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 2]). Ненцы на общем собрании, проходившем в апреле 1927 г. в местности Хадытта ямальской тундры, отказывались переписываться, объясняя это так: «Во-первых: когда приезжал товарищ по Всесоюзной переписи, то говорил, что больше вас никто переписывать не будет... и второе: главная их причина... что когда все инородческое нацменовское население об этом узнает и согласится, тогда согласимся и мы...» [Судьбы народов..., 1994. С. 128].

В процессе развертывания советского строительства на Севере, складывания аппарата управления в 1930-х гг. практически отсутствовали контакты с кочевым населением, что не могло не отражаться на статистических данных. В это время отмечаются сложные взаимоотношения ненцев и русских в связи с коллективизацией, раскулачиванием, лишением избирательных прав, организацией новых советов, открытием факторий и т. д. Все мероприятия резко противоречили традиционному укладу жизни кочевников, которые не хотели с этим мириться. Их недовольство проявлялось в различных формах: срывались собрания и выборы, скрывались имена и фамилии, состав семьи, поголовье оленей. Иногда возмущения перерастали в вооруженные столкновения, наиболее крупное из которых получило название Мандалада [Петрова, 1998. С. 102; Алексеева, 2005. С. 111–118]. Не случайно в отчетах Ямальского окружного статистического управления этого времени подчеркивалось, что данные о кочевниках носят ориентировочный характер [ГАЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 2], а в делопроизводственных документах наблюдаются расхождения в цифрах [Отчет..., 1935. С. 7; ГАСПИТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 258. Л. 3–8; ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 189. Л. 124].

Расхождения в количественных данных в источниках рассматриваемого периода связаны с использованием разных единиц учета (человек или хозяйство) и категорий населения (наличное или постоянное), выбранным временем года, продолжительностью и территорией, охваченной переписными работами. В ходе Приполярной переписи 1926–1927 гг. проводился похозяйственный опрос. Всесоюзные переписи населения учитывали каждого человека отдельно.

В 1926 г. в рамках Приполярной переписи в целях максимального учета кочевников впервые были организованы специальные экспедиции в районы их традиционных сезонных кочевок [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 1. Л. 3 об.], переписные листы заполнялись при непосредственном общении с людьми, предусматривались контрольные мероприятия для выявления доли недоучтенного населения. Обдорских самоедов переписывали члены нескольких отрядов (Ямальского, Тазовского, Надымо-Полуйского и Сыне-Куноватского), работавших на территории Обдорского р-на [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 3]. Из-за болезни регистратора, труднодоступности мест проживания и ограниченности средств сведения о лесных ненцах записали со слов родовых старшин в Норэ и Сургуте [Список..., 1928. С. 210–211; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 6 об.]. Данные о гыданских ненцах Обдорского р-на были получены главным образом регистратором IV переписного участка в Дудинской волости Туруханского р-на [Туруханская экспедиция..., 2005. С. 129, 343–348].

В целом перепись 1926–1927 гг. прошла на высоком для того времени уровне, не было зарегистрировано только от 115 до 140 самоедских хозяйств, что составляет примерно от 575 до 700 чел., или от 7,7 до 9,4 % от общей численности учтенного населения, при среднем размере хозяйства 5 чел. (данный показатель приводится в отчетах первой трети XX в. [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 189. Л. 24 об.]). Так, по сообщениям Тазовского отряда, им были пропущены «не более двух или трех десятков хозяйств» низовых самоедов [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 6]. В отношении лесных ненцев выражалось опасение недоучета от 15 до 30 [Там же. Л. 6 об.], ямальских — около 80 хозяйств [Там же. Л. 7]. Для устранения пропусков три отряда Обдорского ветеринарного бактериологического института, отправленные на работы летом 1927 г. на Ямал, Северный Урал и в бассейн р. Таза, получили бланки и удостоверения для регистрации кочевников, по той или иной причине не прошедших ее ранее [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 12]. Дополнительную перепись в Тазовском р-не обязали провести секретаря Тазовского сельского совета [Там же]. Переписными бланками были снабжены экспедиционные отряды Академии наук под руководством Л. В. Костикова и В. Н. Городкова, направлявшиеся в гыданскую тундру [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 12; Туруханская экспедиция..., 2005. С. 134]. Полученные данные корректировались последующими экспедициями В. П. Евладова [1992], В. Н. Скалона [1931], Г. Д. Вербова [1936], А. Куриловича [1934].

Опыт, полученный при проведении Приполярной переписи, использовался в дальнейшем организаторами североуростроительных экспедиций и переписей в 1937 и 1939 гг. В частности, при установлении сроков переписи ориентировались на время наибольшего скопления кочевников на определенных участках национальных советов в зимний период, возможность посетить самые отдаленные кочевья и охватить большое количество населения, в том числе в ходе осеннего календария, связанного с сезонной сменой летних пастбищ на зимние [ГАОО. Ф. 2122. Оп. 4. Д. 398. Л. 123]. Порядок передвижения переписных отрядов совпадал с маршрутами кочевков: с севера на юг и с запада на восток [Там же. Л. 127]. С 1937 г. счетные участки создаются

Проблемы демографии ненцев Ямала в первой трети XX в.

в рамках организованных в 1930-х гг. районов и национальных советов Ямало-Ненецкого округа, внутри последних естественными границами являются бассейны рек.

Проведение Приполярной переписи в районах проживания обдорских ненцев заняло около семи месяцев вместо предполагавшихся четырех. Работы, планировавшиеся в 1926 г. «в пределах от начала декабря до конца марта...», вынуждены были начать уже в ноябре для регистрации зырян и зырянских самоедов около селения Лабытнанги и продолжать до начала апреля, а на Ямале — до начала мая 1927 г. [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 1. Л. 2.; Т. 4. Л. 4, 8 об.]. Участникам североустроительных экспедиций 1930-х гг. приходилось собирать сведения в течение года. Ими в первую очередь переписывались семьи, кочевавшие около факторий и приезжавшие за товарами и продуктами. В 1939 г. перепись оседлого населения, проживающего в факториях, селах, юртах и поселках, заняла от 1 до 11 дней, кочевников — от 15–20 дней в Шурьшкарском р-не до 120 дней в Тазовском р-не [ГАОО. Ф. 2122. Оп. 4. Д. 398. Л. 11].

В 1926 г. разность между опубликованными данными Приполярной и Всесоюзной переписей в Обдорском р-не составила 532 чел. в пользу последней. При этом в первом случае все члены семьи относились к национальности ее главы, а во втором — учитывалась национальность каждого отдельно. Несмотря на отмечавшуюся значительную метисацию среди населения Севера [Список..., 1928. С. IV], похозяйственная перепись показала число самоедов меньшее по сравнению с данными демографической — соответственно 7462 чел. (в 1385 самоедских хозяйствах) [Там же. С. XXXIV] и 7994 чел. [Всесоюзная перепись..., 1928. С. 292]. По данным ЦСУ учитывалось наличное население, в том числе принадлежавшее к другим административным областям, но на момент переписи находившееся на территории Обдорского р-на [Список..., 1928. С. IV]. В результате в состав обдорских самоедов были включены самоеды из Коми АО и Туруханского края, а также лесные самоеды (509 чел.) Сургутского р-на. Полученная разница показывает, что на момент проведения переписи число временно отсутствующих среди ненцев было меньше временно пребывающих из других районов, а также на невысокую степень их метисации.

Установление численности ненцев усложнялось наличием разных территориальных групп в их составе, а также групп смешанного происхождения. Регистраторам в 1926 г. предписывалось решать вопрос о национальности «по самоопределению и этническим признакам» [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Л. 86]. В материалах Приполярной переписи в графе «Племя» встречаются наименования: самоеды, ямальские, каменные, низовые, лесные самоеды, юраки. Согласно инструкции, «каменная», «низовая» и «лесная» группы должны были соответствовать отдельным племенам, отличающимся по лингвистическому признаку [Там же]. На основании этнических показателей были выявлены смешанные группы остяко-самоедов, большинство которых считало родным языком самоедский; самоедов-зырян, относившихся к зырянской языковой группе [Список..., 1928. С. 164–165].

Подводя итоги 1926–1927 гг., некоторые смешанные группы прибавили к более многочисленным, что привело к различиям в данных разных источников. При выполнении похозяйственного подсчета к самоедам были отнесены самоедо-зыряне, остяко-самоеды и юраки [Список... С. IV, XXXIV; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184. Л. 85]. В материалах Всесоюзной переписи две последние группы рассматривались отдельно [Всесоюзная перепись..., 1928. С. 104]. Расчеты показывают, что в составе самоедской языковой группы собственно самоеды насчитывали 81,1 %, остальные 18,9 % приходились на лесных самоедов (0,2 %), юраков (2,6 %), остяко-самоедов (16,1 %) (рассчитано по: [Список..., 1928. С. 164–165]). В 1926 г. 335 самоедо-зырян (другое название *яраны*) включили в зырянскую языковую группу [Список..., 1928. С. 164–165]. В результате административно-территориальных преобразований, связанных с организацией Ямальского (Ненецкого) национального округа в 1930 г., его самодийское население пополнилось группой лесных ненцев, учтенных в 1926 г. в Сургутском районе (1065 чел.).

В 1930-е гг., несмотря на официальное введение самоназвания «ненец» с образованием Ямальского (Ненецкого) национального округа, в документах по-прежнему использовалось старое наименование «самоед». Для лесных ненцев в делопроизводственных и первичных статистических документах применялись названия, заимствованные у тундровых ненцев, — «пянхасово» или «пяки» [ГАЯНАО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2. Л. 127, 131, 134; Ф. 34. Оп. 1. Д. 66, 77; Отдел..., Ф. 15. Оп. 3. Д. 1]. При проведении Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. к ненцам уже относили население, записанное в переписных листах как *ненэця, ненэць, хасово, самоеды, самоди, самоеды-юраки, юраки, яраны, пянхасово*, лесные ненцы [Этнокогнитология..., 1994. С. 126].

Сравнение численности ненцев Ямальского (Ненецкого) национального округа на 01.01.1932 и 01.01.1934 с данными ЦСУ за 1926–1927 гг. для Обдорского района показывает величину абсолютного прироста, равную 691 и 859 чел. соответственно (рис. 1). Общая численность ненцев на территории округа в первой половине 1930-х гг. не превышала 9000 чел. (вместе с лесными ненцами), тогда как в 1939 г., на основании Всесоюзной переписи 1939 г., они насчитывали уже 13454 чел. На наш взгляд, полученная цифра является результатом не высокого естественного прироста, а значительного уточнения их численности благодаря тщательной организации переписи 1939 г., проведенной с учетом опыта предыдущих лет, а также упрощению этнической структуры, в том числе вследствие замены старых названий на самоназвание «ненец» и распространения его на остяко-самоедов, самоедо-зырян, юраков, лесных ненцев, прежде считавшихся отдельно. В этнографической литературе они рассматриваются в качестве ненецких родов хантыйского, энецкого происхождения и европейских и лесных ненцев [Вербов, 1939; Долгих, 1970; Васильев, 1979].

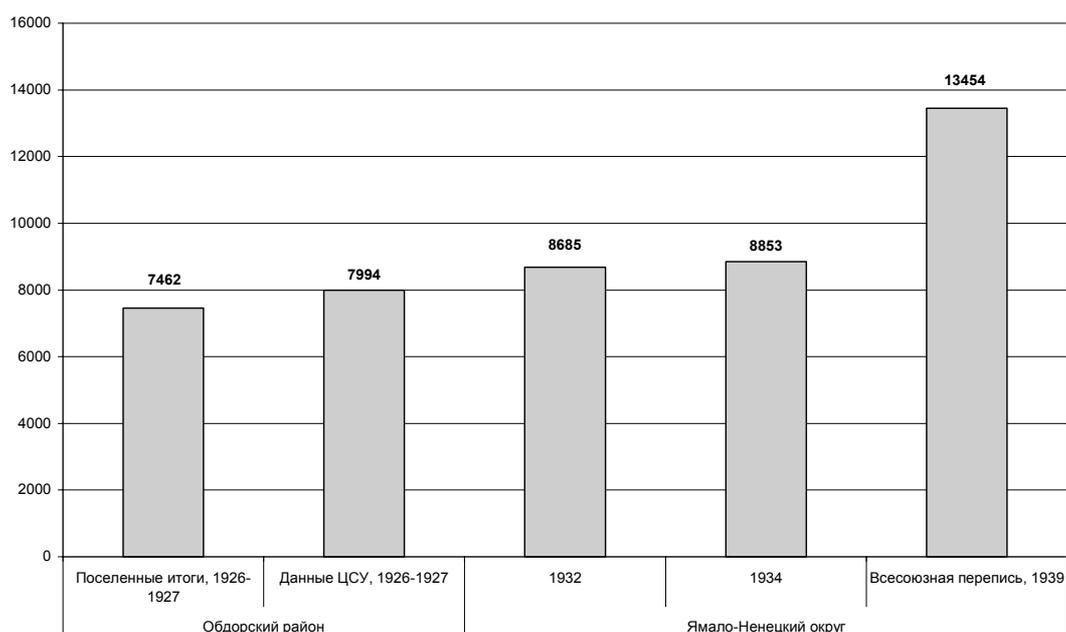

Рис. 1. Численность ненцев Обдорского района и Ямало-Ненецкого национального округа в первой трети XX в. Источники: *Список...*, 1928; *Всесоюзная перепись...*, 1928; *ГАЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 135; Отчет...*, 1935; *РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 316. Л. 39.*

Демографические характеристики ненцев в первой трети XX в. Сравнительный анализ первичных документов показывает, что полному и достоверному учету ненцев препятствовала система их традиционных представлений, связанных с именем и возрастом человека, рождением, смертью и заключением брака. Все они подробно рассмотрены в этнографических работах [Терещенко, 1966, 1967; Хомич, 1976; Сусой, 1994]. Непонимание и незнание специфики традиционной ненецкой культуры регистраторами приводило иногда к отсутствию, неполноте или недостоверности демографической информации.

Согласно традиционным правилам, у ненцев один и тот же человек мог иметь три имени: имя по предку с ограниченным употреблением, прозвище, дававшееся по обстоятельствам рождения, и русское [Хомич, 1976. С. 117]. Отличительные черты традиционной антропонимики нашли отражение только в адресной части переписного листа, разработанного для Приполярной переписи, где указывались русский и «туземный» варианты фамилии, имени, отчества и прозвище. Опасаясь преувеличения численности кочевого населения за счет переписи одного и того же человека два раза и более, в том числе из-за наличия нескольких имен, всем прошедшим регистрацию выдавали удостоверения [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 7].

Для ненцев роль фамилии выполняло название рода, к которому принадлежал глава хозяйства. Ненецкая антропонимическая система не предполагала отчества из-за соответствующих запре-

Проблемы демографии ненцев Ямала в первой трети XX в.

тов, поэтому данные строки оставались незаполненными. В посемейно-хозяйственных бланках 1930-х гг. часто записывалось только имя главы семьи, жена называлась по имени старшего ребенка, например: *Аю небя*, *Ене небя* (мать Аю, мать Ене), иногда — по названию рода, к которому принадлежала до замужества: Вануйто, Сусой, Лапсуй. Незнание переписчиком ненецкого языка и культуры, традиционные запреты произнесения имени человека вслух после определенного возраста или жизненного события и замена его другим приводили к тому, что в переписных документах оно заменялось ненецким термином родства или свойства, употреблявшимся в семье при обращении: *мея*, *няпа* или *няба* (невестка, сноха), *нябако* (старшая сестра), *не* (женщина, жена) и др. В некоторых случаях имена жены, детей и других родственников не указывались совсем.

Что касается возраста, то выделяемые возрастные группы принимают условное значение в первой половине XX в., а для пожилых и старых людей — на протяжении всего столетия. В демографии под возрастом понимается полное число лет, исполнившееся в последний день рождения, полученное как ответ на вопрос о дате рождения или, если респондент не знает ее, о числе исполнившихся лет в последний день рождения [Медков, 2002. С. 418]. Ненцы не могли дать точного ответа ни на один из этих вопросов. На количество лет меньше всего обращалось внимание. Возраст человека учитывался только в первые четыре-пять лет жизни, а день рождения отмечался один раз, после того как отпадала пуповина у младенца [Сусой, 1994. С. 36, 50]. Значение придавалось не количеству прожитых лет, а способности человека к выполнению той или иной социальной функции. Согласно ненецким представлениям, для женщин — это способность к деторождению [Харючи, 2001. С. 156]. Некоторую путаницу в подсчет лет вносят различия в длительности «русского» и «ненецкого» года. Последний делится на два периода (зима и лето), каждый из которых рассматривается как целый год [Сусой, 1994. С. 49; Головнев, 1995. С. 302; Хомич, 1995. С. 199]. Доктор М. Л. Шапиро-Аронштам по результатам работ экспедиции облздравотдела на Приполярном Севере Тобольского окр. в 1926–1927 гг. сообщала, что ненцы «счет знают плохо. О возрасте ребенка сказать не могут. Старики, имея 50 лет, называют цифру 75–100 лет...» [ГУТО ГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 30]. Кроме того, «самоеды совершенно не представляют счета времени и поэтому не знают возраста. Возраст детей знают только до трех лет. Самоед не может сказать 25 ему лет или 40. Поэтому возраст приходится определять на глаз. <...> Вообще самоеды, тесно соприкасавшиеся с русскими и зырянками, обычно так определяют свой возраст: “Санку Шахова знаешь, так мой сын родился в тот же год или на год позже...”» [Там же. Л. 87 об.–89].

В инструкциях по заполнению похозяйственной карточки во время проведения Приполярной переписи относительно возраста давались следующие рекомендации: «...возраст для детей моложе года ставится в месяцах и определяется опросом, для старших, где нельзя получить определенного ответа, возраст определяется регистратором по наружному виду опрашиваемого, в пределах до 10 лет однолетних возрастов, от 10 до 29 пятилетних групп и старше 30 лет десятилетних...» [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Л. 128]. Коэффициент возрастной аккумуляции, рассчитанный по отношению к возрастам, оканчивающимся на «0» и «5», в 1926 г. равнялся 4916,6 %, в 1932–1933 гг. — 3069, для лесных ненцев Верхнепуровского нацсовета в 1934 г. — 1435,2 %. Возраст людей в группе старше 40 лет представлен в основном такими значениями, как 40, 45, 50, 55, 60, 65, 70, 75 лет. Результатом определения возраста «на глаз» в первой половине XX в. стало появление среди ненцев долгожителей в возрасте 100 лет и более. В пятилетних и десятилетних группировках возрастная аккумуляция сама по себе снималась (рис. 2).

Не всегда точной оказывалась такая важная демографическая информация, как состав семьи. В ненецком языке отсутствует термин, обозначающий семью, он заимствован из русского [Dupin-Gorkavič, 1932; Вербов, 1935; Терещенко, 1965. С. 156]. Эквивалентом может быть *мяд'тер* или *мядндер*, что означает «житель чума» [Терещенко, 1965. С. 186]. Переписчики в 1920-х и даже в 1950-х гг. иногда записывали имена и пол членов семьи без указания их родственных отношений к главе хозяйства. Особенностью терминов родства и свойства у ненцев является классификационный и описательный характер названий людей старше говорящего в роде мужа или жены, кроме отца и матери, которые остаются индивидуальными [Хомич, 1995. С. 173]. Группа лиц, обозначаемая одним термином, включает представителей двух поколений [Симченко, 1974. С. 271]. В некоторых случаях это приводило к появлению ошибочных записей в русских первичных документах родственников по боковой, нисходящей и восходящей линиям. Так, «бабушка» на самом деле могла быть тетей главы семьи или его жены, т. е. старшей сестрой его (или ее) отца или матери, а «де-

душка» — дядей. Одинаковое название для детей (*ню* — сын и *не ню* — дочь) и внуков при приблизительном определении возраста приводило к тому, что у пожилых и старых супругов оказывались малолетние дети. Одним термином обозначались двоюродные братья и сестры (дети младшего брата и младшей сестры отца), племянники (дети старшего брата и сестры) и младшие братья. Все это нами учитывалось при характеристике семейной структуры в рассматриваемый период и распределении семей по типам: полные простые и сложные, неполные.

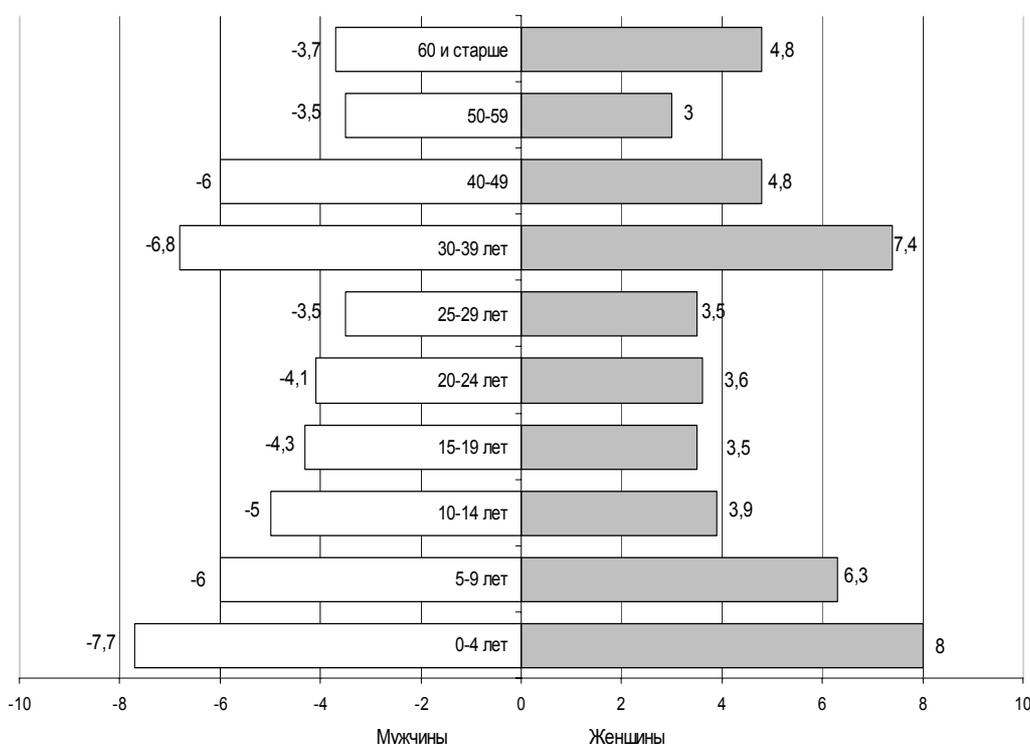

Рис. 2. Распределение самоедов Обдорского района по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. (в % от общей численности мужчин и женщин).
Источник: *Всесоюзная перепись...*, 1928. С. 292.

Анализ семейного состава показывает, что в первой трети XX в. больше половины семей (до 53 %) включали родителей с детьми (табл. 1). Существенную долю (до 39 %) составляли различные типы полных сложных семей с разными родственниками, среди которых количественно выделялись трехпоколенные семьи, состоящие из супружеской пары с детьми и одного из родителей, супружеской пары с детьми, одного из родителей и родственников по боковой линии (мать или отец и братья и сестры главы хозяйства), из двух и более супружеских пар. Согласно выявленным посемейно-хозяйственным карточкам, вместе могли проживать до трех супружеских пар: родители (одна или две жены у отца) и два женатых сына. Иногда вместе проживали два женатых брата, ведущие совместное хозяйство, каждый из них занимал разные половины в чуме. Такие большесемейные коллективы имели сходные черты с патронимическими объединениями, существовавшими у ненцев в прошлом и зафиксированными в источниках XVII–XIX вв. [Общественный строй..., 1970. С. 197].

Неполные семьи у ямальских и лесных ненцев составляли около 12 %. Среди них преобладали семейные группы из матери с детьми, реже отца с детьми, матери с детьми и родственниками, из братьев и сестер. Патриархальный уклад традиционного ненецкого общества отразился в том, что главами неполных семей во всех случаях были мужчины: старший сын или брат женщины. Иногда главе хозяйства могло быть 10 лет.

**Семейный состав ямальских и лесных ненцев
по данным землеустроительных экспедиций первой половины 1930-х гг.***

Тип семьи	Ямальские ненцы		Лесные ненцы	
	Всего семей	В них чел.	Всего семей	В них чел.
<i>Всего семей</i>	557	2912	84	489
Полные семьи: простые	296	1448	40	197
1. Супружеская пара с детьми	258	1370	34	182
— более одной жены	17	121	4	33
2. Бездетная супружеская пара	38	78	6	15
— более одной жены	2	6	2	7
Полные семьи: сложные	193	1224	33	255
3. Супружеская пара с детьми и родственники по боковой линии	25	134	8	51
— более одной жены	1	6	—	—
4. Супружеская пара с детьми и внуки	2	15	—	—
5. Супружеская пара с детьми, внуки, один из родителей супругов	—	—	—	—
6. Супружеская пара с детьми, внуки, родственники по боковой линии	2	15	—	—
7. Супружеская пара с детьми, один из родителей супругов	38	213	3	20
— более одной жены	2	14	—	—
8. Супружеская пара с детьми, один из родителей супругов, родственники по боковой линии	21	150	4	28
— более одной жены	1	8	1	7
9. Бездетная супружеская пара и другие родственники	36	136	3	16
— более одной жены	3	15	—	—
10. Две и более супружеских пар с детьми и другие родственники	69	561	15	140
— женатые братья	17	133	3	26
— родители и женатые сыновья	51	418	12	114
— дядя и племянник	1	10	—	—
Из них более одной жены	6	54	3	36
Неполные семьи: простые	46	163	7	23
11. Мать с детьми	34	119	5	17
12. Отец с детьми	12	44	2	6
Неполные семьи разного типа	22	77	4	14
13. Мать (отец) с детьми, внуки	2	10	1	6
14. Мать с детьми, один из ее родителей	1	7	—	—
15. Отец с детьми, один из его родителей	4	22	—	—
16. Мать (отец) с детьми и родственники (внуки и один из родителей вместе)	3	10	—	—
17. Братья, сестры	12	28	3	8

* Источник: ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56; Д. 128.

Браки были как моногамными, так и полигамными. Старость, болезнь супруги, ее бесплодие, потребность дополнительных рабочих рук при наличии большого хозяйства служили причинами приобретения второй, иногда третьей жены, что могли себе позволить только зажиточные ненцы [Тарасов, 1915; Хомич, 1995. С. 172]. Вторыми женами становились вдовы, сосватанные за женатых младших братьев своих покойных мужей [Митусова, 1929. С. 15]. Мужчина мог жениться на двух родных сестрах [ГУТО ГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 88 об.]. Все браки носили патрилокальный характер, после свадьбы женщина переходила жить в чум мужа или его родителей. Тем не менее доля полигамных браков неуклонно снижалась. В первой половине 1930-х гг. две или три жены были у 7 % (11 чел.) мужчин бракоспособного возраста лесных ненцев Верхнепуровского сельсовета и у 3,6 % (32 чел.) ямальских ненцев. По материалам Ямальской культбазы, в 1937 г. 40 из 800 мужчин п-ва Ямал имели двух или трех жен [Броднев, б. г. С. 61]. Более трех жен не встречалось.

Этнографами отмечалось, что для ненцев характерны немногочисленные семьи [Житков, 1913. С. 219; Хомич, 1995. С. 186]. Отец стремился отделить сыновей после их женитьбы в самостоятельные хозяйства [Хомич, 1995. С. 186]. Как правило, с родителями в чуме оставался младший сын [Старцев, 1930. С. 100]. Не случайно среди сложных семей большинство состояли из родителей и сына с женой. Приполярной переписью были выявлены различия в величине оленеводческих, охотничьих и рыболовных хозяйств у народов Севера, среди которых первые были значительно крупнее остальных [Терлецкий, 1932. С. 13]. Согласно поселенным итогам по Обдорскому р-ну, средний размер хозяйств оседлых самоедов составил 3,13 чел., полуседлых — 4,4, кочевых — 5,4 чел. (рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184. Л. 85). Устанавливается

следующая зависимость. Хозяйства ненцев, кочующих в глубине тундры, численно превосходят те, чьи кочевья расположены в прибрежных зонах и в бассейнах крупных рек и озер. Ярким примером может служить средний размер хозяйств, промышлявших на Песках,— только 4,8 чел. (рассчитано по: [Список..., 1928. С. 164]). В Гыданско-Тазовском подрайоне выделяются ненцы гыданской тундры, полуостровов Явай, Безымянного, р. Таз, у которых данный показатель превышает 5,9 чел. [Там же]. Вместе с тем у нижнепуровских и надымских ненцев он составил 5,7 и 5,3 чел. соответственно [Там же]. У ямальских ненцев ниже среднего размер хозяйств, кочевавших в районе от р. Юрибей до р. Еркут, оз. Яррото, Нового Порта, где промышляли в основном малооленные семьи, вынужденные перейти к занятию рыболовством [Там же]. Все это позволяет утверждать, что перемена хозяйственных занятий и переход на менее подвижный образ жизни самоедами, потерявшими оленей и обедневшими, приводили к уменьшению размера хозяйств. Величина оленеводческих хозяйств обусловлена особенностью хозяйственного цикла, требующего совместного участия большого коллектива [Головнев, Конев, 1989. С. 80–81]. Преимущество в этом случае имели родственные семьи, выступавшие в качестве одной сложной семьи. Одновременно в хозяйстве могли проживать до 19 чел. [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 135. Л. 361].

Высокая детская смертность приводила к тому, что большинство семей были малодетными [Хомич, 1995. С. 188; ГУТО ГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 30]. Этнографические и медицинские данные подтверждаются материалами статистики. Семьи, имеющие одного и двух детей, насчитывали у тазовских ненцев 46 %, лесных — 40, ямальских — 38 и надымских — 37 % (рис. 3). При этом доля многодетных (5 детей и более) оказалась наибольшей в надымской группе, составив 12,8 %, а наименьшей — в лесной (9,2 %). Похозяйственные карточки и посемейно-хозяйственные бланки показали большинство бездетных среди супружеских пар и неполных семей среди тазовских ненцев (19,4 %), меньшинство — среди лесных (13,8 %). В 1930-х гг. высокая доля детей выявлена в хозяйствах с большим количеством человек за счет сложного состава семей и полигамных браков, повторного брака мужчины после смерти первой жены. Так, на одну нуклеарную семью приходилось в среднем 2,8 ребенка у ямальских ненцев,

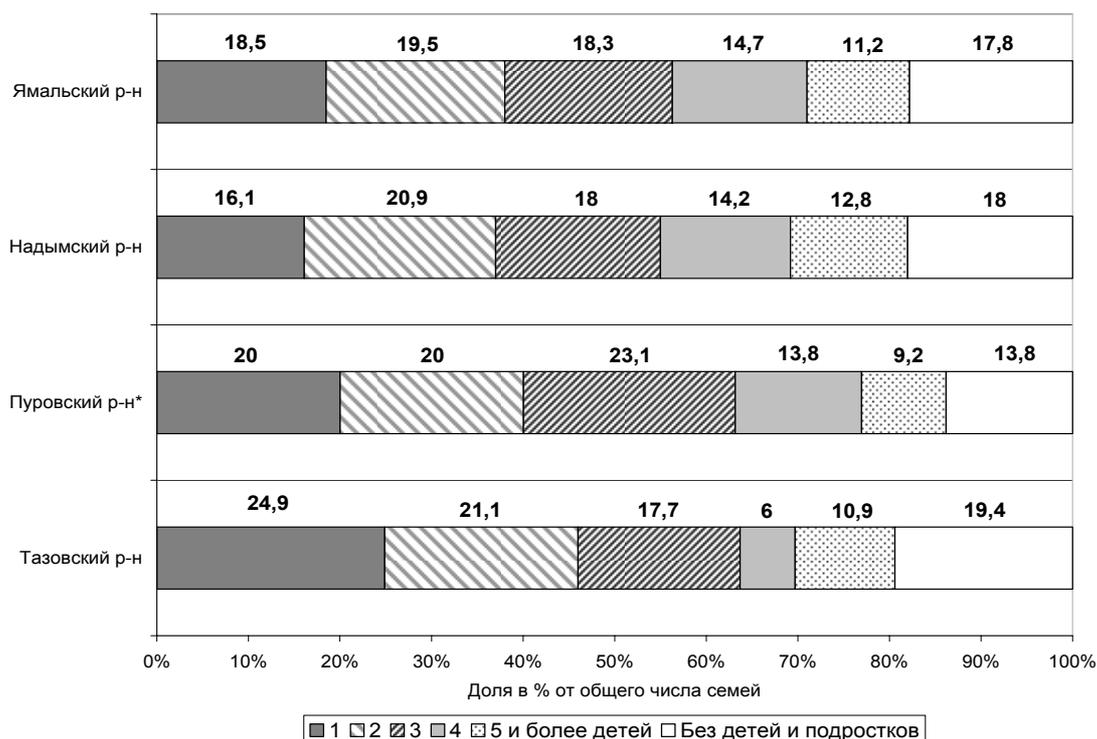

Рис. 3. Распределение хозяйств ненцев по количеству детей и подростков (до 16 лет включительно) по данным похозяйственных карточек и посемейно-хозяйственных бланков землеустроительных экспедиций 1930-х гг.: — только лесные ненцы Верхнепуровского сельского совета

Проблемы демографии ненцев Ямала в первой трети XX в.

2,5 — у лесных, тогда как в сложных семьях, объединявших более двух супружеских пар, — соответственно 3,2 и 3,7 ребенка (рассчитано по: [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 128]). Для обеспечения простого воспроизводства населения необходимо, чтобы каждая семья имела в среднем примерно 2,6 ребенка, а среднедетных (3–4 ребенка) и многодетных семей было не менее 51 % от всех семей [Медков, 2004. С. 191–192]. Полученные показатели свидетельствуют только о простом воспроизводстве поколений у ненцев, обеспечивавшем незначительный прирост численности населения в благоприятные годы (отсутствие эпидемий, голодовок, военных действий и т. д.).

Впервые сведения о рождаемости, смертности и естественном приросте самоедов были получены в ходе Приполярной переписи по 98,8 % зарегистрированных хозяйств [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д.184. Л. 85]. По методическим рекомендациям П. Е. Терлецкого расчеты общих демографических коэффициентов выполнены на основании средних абсолютных показателей, полученных за два года (01.10.1924 — 30.09.1926). В большинстве случаев полученные цифры подтверждают его вывод о том, что народы с высокой степенью оседлости имеют высокий естественный прирост (табл. 2). Исключением из правила оказались зыряне, чей естественный прирост оказался ниже, чем у остальных групп, а доля кочевников среди них насчитывала 25,7 % (рассчитано по: [ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184. Л. 85]). Обдорские самоеды, на 96,4 % состоявшие из кочевников, характеризуются низкими коэффициентами рождаемости (41,9 ‰), смертности (14,5), в том числе детской, по сравнению с остальными народами, а по уровню естественного прироста (27,5) занимают третье место после русских и остяков. При этом только они имеют отрицательный прирост среди оседлого и полuosедлого населения и наивысший положительный прирост — среди кочевников.

Таблица 2

Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста населения Обдорского района по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг.*

Население		Рождаемость	Смертность	Детская смертность	Естественный прирост
Самоеды		41,9	14,5	4,8	27,5
Зыряне		53,5	29,2	10,4	24,3
Остяки		44,2	14,8	4,3	29,3
Русские		52,5	20,7	8,8	31,8
Оседлые и полuosедлые	Самоеды	22,2	25,9	7,4	-7,4
	Зыряне	57,9	34,4	12,3	23,5
	Остяки	44,6	14,8	4,0	29,8
	Русские	53,4	21,1	8,9	32,3
Кочевые	Самоеды	42,3	14,26	4,8	28,1
	Зыряне	40,8	14,1	4,9	26,7
	Остяки	41,4	14,6	6,0	26,7
	Русские	—	—	—	—

* Рассчитано по средним данным за период с 01.10.1924 по 30.09.1926 (или момент окончания Приполярной переписи. Источник: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184. Л. 85–86.

** Согласно полученным данным, в двух хозяйствах русских кочевых за 1924–1926 г. родился 1 мальчик.

Тем не менее количество зафиксированных рождений и смертей ненцев считается заниженным [Смертность..., 1929. С. 32; Терлецкий, 1932. С. 46]. Ценность имеющихся материалов заключается в том, что они единственные характеризуют демографические процессы у обдорских ненцев в первой половине XX в., что подтверждается анализом материалов ЗАГСa, в которых практически полностью отсутствует соответствующая информация [ГАЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2, 66, 77]. В 1920–1930-х гг. ненцы категорично отказывались регистрировать рождение, смерть и брак [Судьбы народов..., 1994. С. 128, 144, 153]. Доводы, приводившиеся в пользу составления актов гражданского состояния, в частности о том, что сведения о количестве смертей необходимы для оказания своевременной медицинской помощи кочевому населению в тундре, оказывались безрезультатными [Там же. С. 128]. Отказ учитывать умерших объяснялся религиозными мотивами. До сих пор считается тяжелым оскорблением назвать имя умершего в присутствии живых родственников [Харючи, 2001. С. 154]. Большая часть ненцев полагали, что регистрация браков лишит семьи возможности получать калым за невесту, а мужчин — брать вторую и третью жену [Лезова, 2001. С. 132]. Положительно высказывались те, кто считал, что это нововведение уменьшит количество побегов и воровства жен [Судьбы народов..., 1994. С. 128].

Е. А. Волжанина

В пользу высокой рождаемости и детской смертности, а также среди трудоспособного населения и низкой продолжительности жизни свидетельствуют пропорциональные соотношения детей и стариков в возрастной структуре ненцев, соответствующей прогрессивному типу (рис. 2). Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., пропорциональное соотношение детей до 14 лет, трудоспособного населения (15–54 лет), пожилых и стариков у ненцев выглядело как 36,9; 54 и 8,6 % (доля людей, не указавших возраст, 0,5 %). Все это не позволяет нам считать ведущей роль естественного движения в обеспечении высокого абсолютного прироста ненцев Ямало-Ненецкого округа в рассматриваемый период.

В целом можно отметить, что внедрение новых принципов учета населения в конце XIX — первой четверти XX в. предоставило в распоряжение специалистов качественно иные статистические сведения о ненцах, чем в предыдущий период. Однако проведение всеобщих переписей населения, регистрации актов гражданского состояния не решили сразу проблему получения достоверных и полных демографических данных о них. Причиной этому были традиционные представления, связанные с различными сторонами жизнедеятельности человека в ненецкой культуре, отличной от русской. Языковые различия приводили к тому, что записанная информация представляла собой не то, что говорил опрашиваемый, а то, что смог передать переводчик в пределах своих языковых возможностей. Ситуация усугублялась непониманием необходимости и нежеланием сообщать сведения о себе и своей семье посторонним людям, а также кочевым образом жизни.

Привлечение широкого круга массовых статистических данных и этнографических материалов позволило выявить, что высокий абсолютный прирост, фиксируемый в источниках рассматриваемого периода, является прежде всего результатом уточнения численности и ассимиляционных процессов среди ненцев. Рассчитанные демографические показатели свидетельствуют о простом воспроизводстве поколений и отсутствии вымирания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАОО. Ф. 2122. Оп. 4. Д. 398.
ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 1–4; Д. 184.
ГАСПИТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 258; Ф. 105. Оп. 1. Д. 8.
ГЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 90–91, 128, 135, 189; Ф. 34. Оп. 1. Д. 2, 66, 77; Ф. 191. Оп. 1. Д. 2.
ГУТО ГАТ. Ф. 687. Оп. 3. Д. 51; Ф. 690. Оп. 1. Д. 49, 54; Ф. 695. Оп. 1. Д. 78.
Отдел по делам архивов администрации МО Пуровский район ЯНАО. Ф. 15. Оп. 3. Д. 1.
РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 316.

Литература

- Алексеева Л. В. Крайний Север в 1917–1941 гг.: По пути советизации: (На материалах Ямало-Ненецкого автономного округа). Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. 152 с.
Броднев М. М. От родового строя к социализму: Рукоп. Салехард, б. г. 432 с. ГУ ЯНОМВК.
Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 244 с.
Вербов Г. Д. Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь. Салехард, 1935. 180 с.
Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 57–70.
Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. № 2. С. 43–66.
Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4: Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. 430 с.
Головнев А. В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 610 с.
Головнев А. В., Конев А. Ю. Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX — начале XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX в. Новосибирск: Наука, 1989. С. 79–91.
Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.
Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. 376 с.
Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 281 с.
Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 354 с.
Курилович А. Гыданский полуостров и его обитатели // Сов. Север. 1934. № 1. С. 129–140.
Лезова С. В. Северный Ямал: Великое переселение 1947 г. // Самодийцы: Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 дек. 2001 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 132–135.
Медков В. М. Демография. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 448 с.
Медков В. М. Демография: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 576 с.

Проблемы демографии ненцев Ямала в первой трети XX в.

- Митусова Р. П. Год среди лесного народа // Вокруг света. 1929. № 14. С. 12–15.
- Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970. 460 с.
- Отчет Ямальского (Ненецкого) национального окружкома Исполнительного комитета советов о работе за 1931–1934 гг. Салехард: Изд-во облисполкома, 1935. 63 с.
- Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1911а. 210 с.
- Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911б. 435 с.
- Петрова В. П. Волнения ненцев на Ямале // Ежегодн. ТОКМ. 1996. Тюмень: Тюм. ун-т, 1998. С. 100–110.
- Плотников М. О приросте некоторых северных сибирских туземных племен // Сев. Азия. 1925. Кн. 4. С. 9–27.
- Симченко Ю. Б. Терминология родства ненцев, энцев, нганасан и юкагиров // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука, 1974. С. 270–291.
- Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне р. Таза (Туруханский край) // Сов. Север. 1931. № 3/4. С. 70–87.
- Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области: По данным разработки Всесоюзной переписи 1926 г. и материалов естественного движения населения. Свердловск: Изд. Урал. обл. стат. отд., 1929. 104 с.
- Список населенных пунктов Уральской области. Т. 12: Тобольский округ. Свердловск: Изд. Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. XLVI, 232 с.
- Старцев Г. Самоеды (ненца): Историко-этнографическое исследование. Л.: Ин-т народов Севера, 1930. 170 с.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. док. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 321 с.
- Сусой Е. Г. Из глубины веков. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 173 с.
- Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С. И. Драчинского в 1913 г. // Ежегодн. Тоб. губ. музея. 1915. Вып. 24. С. 1–32.
- Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1965. 318 с.
- Терещенко Н. М. Собственные имена людей у ненцев // Вопр. финно-угорского языковедения. 1966. Вып. 3. С. 45–53.
- Терещенко Н. М. Слова табу в ненецком языке // Сов. финноугроведение. Таллин: Периодика, 1967. Ч. 2. С. 123–129.
- Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/1927 гг.). Л.: Тип. «Коминтерн», 1932. 65 с. (Тр. науч.-исслед. ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР; т. 1, вып. 1/2).
- Туруханская экспедиция Приполярной переписи: Этнография и демография малочисленных народов Севера: Сб. науч. тр. Красноярск: Поликор, 2005. 448 с.
- Харючи Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.
- Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 16–30.
- Хомич Л. В. Ненцы. СПб.: Рус. двор, 1995. 336 с.
- Этнокогнитология. Вып. 1: Подходы к изучению этнической идентификации. М.: Рос. НИИ культурного и природного наследия, 1994. 158 с.
- Ядринцев Н. М. Соч. Т. 1: Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 480 с.
- Якобий А. И. Угасание инородческих племен Севера. СПб., 1893. 68 с.
- Dunin-Gorkavič A. A. Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов // Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki, 1932. P. 150–164.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article considers numerical dynamics and demographic characteristics of the Yamal Nenets in the early third of the XX century. The author describes the development of registration with respect to the nomadic population as well as the influence of traditional mode of life and notions about man, time, family, and relations with the Russians on demographic statistics. The calculated demographic indices testify to the fact of simple reproduction of generations and absence of extinction among the Nenets. Basing on analysis of the data regarding the censuses and land management expeditions, the author proves that the fixed high absolute population growth results from numerical adjustment and assimilation processes.

Key words: ethnodemography, Samoyeds, Nenets, Yamal-Nenets national region, Yamal, Siberian non-Russians, census of the population.